

Гу Шэн в этот момент действительно не хотела уходить, но основные приличия она соблюдала, поэтому, увидев такую глуповатую реакцию Цзян Ханя, не смогла сдержать улыбки, прикрыв рот рукой.

Был ли Цзян Хань таким неуклюжим раньше?

Гу Шэн, кажется, никогда не видела его таким незрелым. Возможно, в прошлой жизни она была на шесть лет младше и действительно не могла сравниться с его зрелостью.

Но теперь, психологически, она могла бы быть его старшей сестрой, и от этой мысли ей стало немного неловко, словно она дразнила молодую травку...

Неохотно попрощавшись с «молодой травкой» — князем Сюанем, Гу Шэн вернулась в покои Циньфаньюань, где служанки уже собирали вещи, готовясь к завтрашнему отъезду.

В день, когда она провожала Е Цяо, Гу Шэн сама сопровождала её за город на десять с лишним ли, прежде чем неохотно вернулась домой. Но в сердце она не тревожилась, ведь Цзян Хань обещал помочь, и, по крайней мере, жизнь Е Цяо была вне опасности.

Этого было достаточно.

Как только отпуск после соревнований закончился, Гу Шэн в первый же день вернулась в класс, полностью забыв о том, что обидела одного мелкого негодяя.

В тот день она даже приготовила любимые пирожные Девятого высочества, чтобы отпраздновать «пятидневную разлуку».

День выдался ясным, и настроение у Гу Шэн было превосходное. После первого занятия она, улыбаясь во все глаза, достала сладкое пирожное, напевая мелодию, завернула его и мягко произнесла:

— Ваше высочество проголодалось?

Затем она протянула пирожное Девятому высочеству.

Рукав её правой руки сполз, и в тот же миг снова показался изумрудный браслет, подаренный ей Цзян Ханем.

Длинные ресницы Девятого высочества прикрывали светлые глаза, отбрасывая тень во взгляде, устремлённом на сладость в руках Гу Шэн. Но в тот момент, когда рукав соскользнул, в тех миндалевидных глазах вспыхнул свирепый огонь — этот нефритовый браслет явно не был сделан из тьяньхуана!

В одно мгновение Гу Шэн почувствовала ледяной холод, пробежавший по телу.

Не успела она поднять голову, как Цзян Чэньюэ резко взмахнула рукой. Раздался звонкий шлепок — пирожное было выбито из её рук. Девятое высочество встала и, полная ярости, вышла из классной комнаты.

Вокруг мгновенно воцарилась тишина. Несколько аристократов, которые обычно льстили Гу Шэн ради Девятого высочества, теперь не решались подойти и лишь смотрели, как Гу Шэн обмякла на стуле.

Неизвестно сколько времени прошло, прежде чем Гу Шэн медленно подняла свою правую

руку, которая онемела после удара Девятого высочества, и посмотрела на тыльную сторону ладони:

Синяк уже начал приобретать фиолетовый оттенок, пальцы дрожали в непроизвольных спазмах, а руку пронзала боль, словно от тысячи иголок.

Гу Шэн смотрела с невероятным недоверием. Хотя Девятое высочество просто выбило пирожное, а не намеренно причинило ей боль, этот гнев был тем, чего Гу Шэн не ощущала последние пять лет.

Цзян Чэньюэ, тот будущий император, впервые по-настоящему разозлилась на неё.

Но... почему?

Только тут Гу Шэн вспомнила о их мелкой ссоре несколько дней назад. Неужели всё из-за того, что она немного пренебрегла Девятым высочеством?

Подумав об этом, Гу Шэн сжала кулаки, и чувство обиды резко захлестнуло её мозг. Глаза тут же наполнились слезами, а нос зачесался от предстоящего рыдания.

Гу Шэн уткнулась лицом в сложенные на столе руки и разрыдалась. Она представляла себе наказания куда более серьёзные — ведь служить государю всё равно, что служить тигру, — но сейчас, столкнувшись с такой необъяснимой несправедливостью, она просто не могла контролировать разочарование и отчаяние в своём сердце.

Этот малыш действительно однажды поступил с ней так!

Неизвестно, сколько времени она плакала, но вокруг раздавались шаги, шорохи, и, когда звуки постепенно стихли, Гу Шэн подняла голову с опухшими, как у персика, глазами. Вокруг уже никого не было, было настолько тихо, что можно было услышать эхо собственных всхлипов.

Только тут она вспомнила, что следующий урок — стрельба из лука на тренировочном поле.

При этой мысли сердце снова наполнилось резкой обидой. Её ударил этот мелкий негодяй, а теперь ей придётся бежать на тренировочное поле, чтобы быть партнёром по тренировкам...

Как раз в тот момент, когда она снова захотела разрыдаться от обиды, совсем сзади, на очень близком расстоянии, вдруг раздался холодный, знакомый голос:

— Наплакалась?

Гу Шэн вздрогнула и резко обернулась. Цзян Чэньюэ сидела на столе позади неё, закинув одну длинную ногу на спинку стула впереди, и без выражения произнесла:

— Я иду на тренировочное поле.

Сказав это, не дожидаясь ответа Гу Шэн, Девятое высочество спрыгнула со стола и направилась к двери.

Заметив, что человек сзади не следует за ней, Цзян Чэньюэ обернулась, краем глаза бросив нетерпеливый взгляд назад.

Гу Шэн всё ещё сидела на месте, глупо глядя перед собой.

Она не ожидала, что Девятое высочество специально подождёт её, пока она пойдёт на тренировочное поле. Сейчас она смотрела на спину этого малыша, потерянно моргая.

Очнувшись, она, словно назло, надула губы и прикрыла уже опухшую тыльную сторону ладони, надеясь, что Девятое высочество заметит, что её только что побили...

Ветер снаружи дул ей в лицо, принося прохладное дыхание весны, в котором не было ни капли тепла.

В классной комнате было пусто, и только двое людей оставались в этой ледяной атмосфере.

Гу Шэн надула губки, опустила голову и укрывала ладонь, упрямо ожидая, пока Цзян Чэньюэ подойдёт извиниться.

Время тянулось бесконечно. И когда её сердце уже было переполнено тревогой, у ушей вдруг раздался звук крайне раздражённого глубокого вдоха, словно кто-то с силой подавлял ярость:

Гу Шэн в мгновение ока капитулировала. В панике она подняла голову и увидела, что Девятое высочество уже повернулось к двери.

Порыв ветра ворвался внутрь, неся с собой кружащиеся лепестки персиковых цветов, которые обвивали прямую фигуру, а мягкие золотистые волосы развевались на ветру. В следующий момент фигура больше не колеблясь решительно шагнула за порог.

Гу Шэн поспешно встала и бросилась следом.

Ладно, спорить с маленьким императорским аристократом, привыкшим командовать, у неё, пожалуй, не хватит духу. Лучше покорно встать на колени и сдаться в плен.

Даже если в будущем она выйдет замуж за князя Сюаня, Гу Шэн всё равно должна поддерживать эти отношения госпожи и служанки с Девятым высочеством. Ведь жизни Цзян Ханя и её самой находились в руках этого мелкого негодяя.

Как только она мыслила об том ужасном будущем, жалоба в сердце Гу Шэн рассеялась больше чем наполовину. Она в три прыжка догнала шаги Девятого высочества, опустив голову и крадучись глядя на спину малыша, так и хотелось броситься на неё и висеть там всю жизнь, не слезая, чтобы чувствовать себя в безопасности...

Они вошли один за другим на тренировочное поле, отведённое для высшей аристократии. Вокруг слышались звуки отработки фехтования и рукопашного боя учеников.

Один за другим раздавались боевые кличи, напоминая Гу Шэн, что это не место для благородных господ.

Гу Шэн, плотно следуя за Цзян Чэньюэ, обогнула несколько тренировочных площадок и вошла в зону для стрельбы из лука. Она привычно побежала к оружейному навесу, взяла у инструктора два маленьких лука и пару колчанов, потом семенила обратно к Девятому высочеству, покорно и послушно протягивая их вперёд.

На лице Цзян Чэньюэ по-прежнему не было улыбки. Она взяла колчан и небрежно закинула его на спину.

В момент передачи вещей рукав Гу Шэн снова неудачно соскользнул, и этот раздражающий

изумрудный браслет снова заставил правую руку Девятого высочества замереть, и ей едва не захотелось снова поднять руку, чтобы выбить лук и стрелы из рук Гу Шэн.

Увидев, что рука Девятого высочества вдруг замерла, Гу Шэн в испуге вздрогнула. Её только что побитая тыльная сторона ладони инстинктивно хотела отдернуться назад, но она вовремя остановилась.

Она прикусила нижнюю губу, решительно оставив руку перед Девятым высочеством, закрыла глаза и приготовилась получить ещё один реальный удар.

Видимо, вспомнив жалкий вид Гу Шэн, рыдавшей за столом только что, Девятое высочество всё же стерпела. Когда она по привычке приняла лук, Гу Шэн всё ещё держала глаза закрытыми, не реагируя и по-прежнему крепко сжимая лук.

С обеих сторон произошла тяга, и покрасневшая тыльная сторона ладони Гу Шэн полностью открылась перед глазами Цзян Чэньюэ. Те светлые зрачки вдруг снова окрасились гневом.

Повисла тишина:

— Отойди подальше.

Этот оклик, в котором слышалось отвращение, прозвучал слишком внезапно.

Гу Шэн, услышав это, в спешке открыла глаза и увидела, что Девятое высочество опять не зная откуда взялся огонь. Лицо, которое только что успокоилось, снова надулось, как маленький булочка, а светлые зрачки время от времени скользили по синяку на её руке.

Вероятно, догадавшись, что синяк — это её собственный шедевр, полученный при выбивании пирожного, Девятое высочество, как типичный мелкий негодяй, не только не проявило стыда на лице, но и «от страха перешло в ярость», кусая в ответ, время от времени бросая на Гу Шэн взгляд, полный презрения, словно говоря: «какая же ты хрупкая»...

Гу Шэн:

«Глубокий вдох... очень глубокий вдох... не нужно с капризным ребёнком говорить о разумном, нужно сохранять спокойствие! Нужно сохранять спокойствие!»

Гу Шэн поспешно опустила руку, используя рукав, чтобы прикрыть синяк и отёк на тыльной стороне ладони, чтобы больше не мозолить глаза Девятому высочеству.

Когда Девятое высочество начало поправлять стойку, Гу Шэн тут же по-умному отступила назад, села на скамейку для отдыха в пятидесяти шагах позади и приказала мальчишке с тренировочного поля заварить ей чай.

<http://bllate.org/book/16655/1526537>